

изящного в искусствах и особенно в словесности. Сочинение Михаила Розберга... В. Г. Белинский belinski
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности. Сочинение Михаила Розберга... В. Г. Белинский

По странной игре случая и по очень естественному у рецензента столкновению обстоятельств, тотчас после книги г. Кошанского, которые без того никогда не могли бы сойтись одна с другою, как два совершенно противоположные явления. Но мы, однако ж, очень рады этому случайному столкновению, потому что оно изъяснит результаты, которые мы вывели в предыдущей статье и выведем в настоящей. Эпиграфы (из Гегеля, Вильмена и Пушкина), которыми автор щедро наделил свое небольшое сочиненьице, и следующие слова из предисловия возбудили наше любопытство:

Первое издание этого небольшого сочинения, говорит автор, разошлось довольно быстро, и, по желанию многих ученых любителей эстетики, которых отзывами я дорожу, комиссионер Дерптского университета, И. Ф. Бородин, решился напечатать второе...

Книга содержания серьезного, книга, которой в Петербурге и Москве никто почти не видал, разошлась быстро, а ныне выходит вторым изданием: {1} это явление заслуживает внимания; невольно на мысль приходят вопросы: где ж она разошлась? где нашла она стольких любителей изящного?

Но как-то странно поразили наше внимание некоторые мысли, высказанные в том же предисловии, а именно:

Вообще думают, что наука об изящном должна заключать в себе наставления для художников и стихотворцев (а разве стихотворец, то есть поэт – не художник?); что она есть уложение правил (?), подчиняясь коим, можно удобнее, лучше и легче изваять статую, намалевать (!!) картину, составить симфонию, оперу, поэму. Существует другое мнение о сем предмете, кажется (неужели автору это еще только кажется?!), более справедливое, более близкое к истине. Вот оно: природному дарованию, вдохновению учиться нельзя: это труд лишний и напрасный – ни одна пиитика не произвела еще поэта, ни одна реторика не образовала витию; не можно знать – из какого источника и на основании каких начал развиваются явления изящных искусств, какая между ними связь и какая цель их. Теория астрономии не учит двигать небесными телами: она открывает только законы их движения (теория астрономии – полно, так ли?); анатомия и физиология не имеют в виду создавать организмы, а стараются лишь разгадать их устройство. Так относится и эстетика к искусствам изящным. Не принимая на себя обязанности – руководствовать и советовать, не порываясь к мечте недостижимой, она стремится обнаружить в их мире стихию разумную: порядок, целость; определить их значение, их содержание и то средоточие, к коему они, несмотря на разнообразие свое, равно тяготеют (по-русски говорят стремятся), и пр. {2}.

Соглашаясь с автором в его мыслях, мы не можем, однако же, никак надивиться этому проблематическому «кажется»; сам г. Кошанский, о котором мы сейчас говорили, и тот не высказывал этих истин проблематически, а он их высказывал, хотя, к сожалению, говоря одно, на деле исполнял другое, именно то, что заставило г. Розберга высказать мысль, начинающуюся словами: «Вообще думают», и пр.

Далее автор продолжает:

В одном из наших повременных изданий, привыкших обыкновенно судить почти обо всем слегка (неужели нет исключения?), мне попались замечания на мое сочинение, смею сказать, не слишком обдуманые. Кто, не останавливаясь исключительно лишь на эпиграфах, примет на себя труд прочесть далее, и не только прочесть, но добросовестно вникнуть в сущность дела, тот увидит, что многие из положений, мною развитых, мало известны, по крайней мере у нас (где «у нас»? Неужто в наших университетах?). Следя прилежно за ходом эстетических теорий, я, сколько помнится, нигде не встречал в журналах наших и отдельных книгах ни страницы (??) об отношении, например, изящных искусств к природе, о системе подражания ее произведениям, о взаимном значении ритма и гармонии, трагедии и комедии и пр. Опять странно, каким образом ученый автор, следя прилежно, как говорит он, за ходом эстетических теорий (то есть теорий эстетики, как теория поэзии, теория статистики и т. п., а не поэтическая теория, статистическая теория...), странно, говорит, что он нигде не встречал в журналах наших и в отдельных книгах ни страницы относительно этих вопросов. Мы, напротив, готовы указать ему не только страницы, но и целые статьи в журналах, и не только статьи, даже целые книги. Пусть потрудится он перебрать первые два года «Телескопа» {3}, издававшегося профессором эстетики и археологии при императорском Московском университете Н. И. Надеждиным: там он найдет не одну страницу, где о некоторых из упоминаемых им

изящного в искусствах и особенно в словесности. Сочинение Михаила Розберга.. В. Г. Белинский belinski предметов говорилось довольно пространно, и, что главное, говорилось с увлекательным одушевлением, живым участием и логической отчетливостью; пусть потрудится он пересмотреть «Ученые записки», издававшиеся при том же университете: {4} и там об этих предметах речь заходила довольно часто. Не угодно ли ему будет вспомнить «Теорию изящных искусств» Бахмана, прекрасно переведенную Г. Чистяковым, также питомцем Московского университета? {5} Вероятно, ему не знакомы и «Чтения о словесности», изданные профессором тоже Московского университета И. И. Давыдовым? {6} Там об этих предметах тоже было говорено, сколько это нужно было для книги почтенного профессора. Кажется, этого довольно, чтобы доказать Г. Розбергу, что предметы, о которых он упоминает, совсем не новость в области русского мышления, и что не он первый обращает на них внимание русских просвещенных читателей. Мало этого, мы готовы сказать утвердительно, что все «положения», которые развивает он в своем сочинении, давно уже были предложены и рассмотрены русскими учеными, и многие, скажем без обиняков, гораздо удовлетворительнее, нежели в его «Рассуждении о развитии изящного».

Обвинение в повторении старых понятий, продолжает автор, когда речь идет об исследованиях умозрительных, кажется мне сбивчивым и странным: дважды два – четыре, также старая штука, однако довольно забавно было бы, если бы кто, желая почему-то новизною, вздумал <бы> утверждать, что дважды два – пять. Почему это обвинение кажется сбивчивым и странным, не понимаем; напротив, это обвинение может быть очень основательно: если бы кто-нибудь, например, в своих понятиях об эстетике, о философии или другой какой-либо науке остался на этой точке, на которой был он в двадцатых годах; если бы в то время, пока наука, обогащаясь новыми явлениями и фактами, шла вперед, он сидел неподвижно, довольствуясь теми поверхностными понятиями, теми ребяческими идеями, которыми молодой игривый ум тешится в школе и которые потом он оставляет, как бесполезные игрушки; если бы он, этот ученый, с важностью профессора стал провозглашать, что он первый придумал это, сказал то, развил сие, доказал оное, почему же не сказать ему: вы, милостивый государь, перечитываете зады и хлопчете из пустого, доказывая то, о чем или никто уже не спорит, или что не стоит никакого оспаривания? Конечно, забавно, если бы кто-нибудь, желая блеснуть новизною, стал доказывать, что дважды два – пять, и наоборот, не менее было бы забавно, если бы тоже кто-нибудь с профессорской важностью стал рассуждать о том, что дважды два – четыре!

Помилуйте, мы с вами не ребята! – {7} сказали бы мы такому ученому: что можете вы толковать и, пожалуй, выдавать за новость в школе, перед мальчиками, то для нас не новость и доказательств никаких не требует.

Впрочем, сказанного здесь мы нисколько не относим к Г. Розбергу; правда, в сочинении его мы ничего не нашли нового, но зато «положения», которые он защищает и доказывает, защищены и доказаны у него довольно отчетливо. Мы не войдем в состязание с ним касательно сего предмета, во-первых, потому, что эти положения, вероятно, были разобраны и обсужены на публичном диспуте, которому подверглось его рассуждение, как претендента на степень доктора философии; во-вторых, если начать спорить об этих предметах, то можно на каждое положение написать по трактату не менее всего рассматриваемого нами сочинения; но мы хотим сказать здесь несколько слов о книге Г. Розберга, которые будут относиться не к нему в особенности, а вообще к нашим ученым, занимающимся исследованием вопросов по предмету теории изящного.

Если Г. Кошанского можно назвать представителем наших риториков прежнего времени, начиная от времени Ломоносова, то Г. Розберга можем мы рассматривать, если не как представителя и не как образец, то по крайней мере как образчик наших нынешних исследователей теории изящных искусств вообще, и словесности в особенности. Между первым и вторым, между теми и другими, совершенная противоположность; но *les extremités se touchent* [1], и эти крайности приводят к результатам довольно сходным. В наших старинных курсах словесности, как частной теории изящного, сочинители обыкновенно шли ощупью, так сказать, стремясь к конечной, определительной положительности: они исправляли должность няньки, которая водит ребенка на помочах и кормит его тем, что прежде сама разжует; они бросились научить всякого желающего словесному искусству, сделать его писателем, поэтом или оратором; учили изобретать мысли, не подозревая того, что они учат набирать слова; от этого результатом их учения было то, что они делали иногда превосходных фразеров, что юноша с дарованием, развивавшимся впоследствии, всегда был самым дурным учеником у таких учителей; что из самых лучших учеников

изящного в искусствах и особенно в словесности. Сочинение Михаила Розберга... В. Г. Белинский belinski их выходили самые нестерпимые краснобаи, самые холодные, вялые, скучные бумагомаратели. Нынешние теоретики ударились в другую крайность: они, приглашая желающих исследовать законы изящного, отрешаются от фактов и явлений; в своих высших взглядах заносятся так высоко, что совершенно теряют из виду положительную реальность, и, увлекаясь или блестящими гипотезами, или замысловатыми сближениями, тешатся сами и потешают других, правда, заманчивыми, пестрыми игрушками, но в то же время пустыми, ни к чему не ведущими, исчезающими, словно мыльные пузыри, при всяком столкновении с холодным рассудком. Препные теории были скучны, сухи, утомительны, но по крайней мере приучали к труду и терпению; нынешние легки, заманчивы, легки до того, что их можно строить и перестраивать за чашкой кофе и за трубкой табака, заманчивы до того, что головы, вовсе неспособные к серьезному размышлению, увлекаются ими и сами оспаривают их, защищают, переделывают. Какой же результат этих теорий? Для искусства тот же: истинное дарование идет своей дорогой, в обход от этих умозрений; бездарность при теориях и остается, называя, в смешной самонадеянности, мыльные пузыри свои философией... Искусство не выигрывает, наука страдает.

Да не подумает кто-либо, что мы восстаем против теорий искусства – о, нет! теория есть жизнь искусства: без нее оно мертво, не одушевлено, не согрето; пусть художник изучает законы изящного, но да будут законы эти утверждены на прочном, незыблемом основании...

Закон не должен быть пугалом из тряпицы, На коем, наконец, уже садятся птицы!{8}
Пусть эта теория будет проникнута живою мыслию, согрета любовью к самому искусству; пусть идет она с ним рука об руку, поверяя свои законы явлениями и самые явления своими законами, – тогда она будет плодотворна для искусства; но если теоретик гоняется только за блестящими парадоксами, если его законы не лежат на фактах, если он просто увлекается мечтательностью ума, если позволено так выразиться, и строит в науке воздушные замки, – его теория ровно ни к чему не приведет, ровно ничего не доказывает и ровно ничего не стоит. Подобные теории сочинять так же легко, если еще не легче, как писать нравственно-сатирические и исторические романы à la N. или действительные поездки куда-нибудь à la N.N.{9}

А нечего греха таить, в наших новых теориях изящных искусств и словесности в особенности встречается очень много подобного. Для примера заглянем хоть в книгу Г. Розберга:

Тремя формами поэзии: эпической, лирической и драматической, жизнь раскрывается в трех степенях временной последовательности, именно: в эпопее господствует минувшее, бытие уже остановленное, застывшее; в лирических песнях замечаем кипение (?!) настоящего, а будущее, плод, возникающий из настоящего и прошедшего, первенствует в драме, высшем единстве эпопеи и лирики. Что это такое, как не парадокс, не сближение чисто произвольное, ни на чем не основанное и ни к чему не ведущее? что хотел сказать автор? Не есть ли это фраза, прикрытая маскою мыслительности? Другой теоретик уверяет нас, напротив, что драма соответствует настоящему, лирика, как условная жизнь духа (не правда ли, что фраза громкая?!), – будущему, эпика – прошедшему{10}.

Г-н Розберг называет высшим единством эпопеи и лирики драму; Бахман, если не ошибаемся, это высшее единство оставляет за эпопеею:{11} составив какую-нибудь пышную фразу, я могу назвать этим единством лирику, как первоначальный род поэзии, из которой впоследствии рождается эпика, а потом драма. Знал я одного доморощенного теоретика, который не шутя разделял поэзию на наступательную и оборонительную, под разряд первой относя эпика, воспевающую славные подвиги народа в эпоху его торжеств, и под разряд второй – лирику, ободряющую воинский дух народа, когда он начинает упадать при неудачах или бедствиях.

Как посмотришь на все это поближе да повнимательнее, так и перестанешь удивляться, что многие добрые люди исподтишка подсмеиваются над подобными теориями, а если еще эти теории украшаются эпиграфами из Гегеля... невольно вздохнешь и о несчастном Гегеле и о бедной философии...

На этот раз довольно: при случае поговорим об этом предмете поболее.

Сноски

ящего в искусствах и особенно в словесности. Сочинение Михаила Розберга... В. Г. Белинский belinski
1 крайности сходятся (франц.). – Ред.

Комментарии

1 Первое издание книги М. Розберга вышло в 1838 г. в Дерпте.

2 В этой и следующих цитатах из рецензируемой книги (с. IX–X, XI–XII, 51) курсив Белинского.

3 То есть за 1831–1832 гг.

4 «Ученые записки имп. Московского университета» выходили в 1833–1836 гг.

5 Имеется в виду: К.-Ф. Бахман. Всеобщее начертание теории искусств, ч. I–II. Перевел с немецкого М. Чистяков. М., 1832.

6 «Чтения о словесности» И. И. Давыдова отдельными «Курсами» выходили в 1837–1838 гг.; вышло 4 «Курса».

7 В «Горе от ума» (д. III, явл. 3; слова Чацкого): «ребяты».

8 Неточно цитируется «Анджело» Пушкина (ч. I, строфа 5).

9 Подразумеваются романы Булгарина и произведение Греча – «28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию» (СПб., 1837).

10 Это утверждение содержится в книге И. И. Давыдова «Чтения о словесности. Курс третий». М., 1838, с. 8–9.

11 См.: К.-Ф. Бахман. Всеобщее начертание теории искусств (ч. II. М., 1832, с. 80, 112, 113, 121).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!